

I

ГОД 797 AB URBE CONDITA¹
(44 ГОД, ОСЕНЬ).

ПРАВЛЕНИЕ
ИМПЕРАТОРА КЛАВДИЯ

ЗА ШЕСТЬ ДНЕЙ
ДО НОЯБРЬСКИХ КАЛЕНД

Небольшой караван миновал Лукринское озеро² и начал медленно подниматься по склону кальдеры древнего вулкана.

— Да, в Байях теперь уже совсем не то, что прежде! — вздохнула Помпония, поудобнее устраиваясь в повозке на подушках, чтобы не испортить свою громоздкую причёску.

— Но тем не менее праздников там было немало! — Сенатор Публий Аврелий Стаций, лежавший рядом, в последний раз с грустью окинул взглядом панораму залива.

¹ *Ab Urbe condita* (лат.) — от основания Города. Официальная дата основания Рима — 21 апреля 753 года до н. э. — *Здесь и далее примеч. перев.*

² Прибрежное озеро между ПUTEОЛАМИ и Байями, где в Античности разводили устриц. Частые подземные толчки, а также извержение вулкана, которое в 1538 году привело к появлению Монте-нуово — «Новой горы», со временем значительно уменьшили площадь озера.

— На побережье теперь одни мальчики на побегушках — приспешники Клавдия — да чиновники! — посетовала матрона.

— И в самом деле, в этот раз мы встречали там больше дворцовых вольноотпущенников, чем римских сенаторов, — согласился Аврелий. — Но с другой стороны, среди сенаторов мало найдётся тех, у кого не было бы деда-торговца или даже раба.

— Конечно! После стольких казней и заговоров настоящих аристократов теперь можно пересчитать по пальцам одной руки, ну а те немногие, кто ещё остался, проматывают своё состояние, лишь бы жить как Крез. Сегодня у любого лавочника не меньше пятидесяти слуг! Если так пойдёт и дальше, что останется от великой римской аристократии?

Публий Аврелий покачал головой и добродушно усмехнулся. Он не был согласен с категоричным суждением Помпонию. Времена меняются, подумал он, и приходится с этим считаться. А стенать об ушедшей эпохе, которая уже принадлежит истории, если ещё не стала легендой, просто глупо.

— Клавдий правильно делает, — заметил он, — что поддерживает всадников и плебеев-латифундистов. Патриции, похоже, уже совершенно ни на что не способны.

— Забавно — потомок столь знатной римской семьи так говорит о собственном сословии! — не без ехидства произнесла матрона.

— А ты, неизлечимая расточительница, разве сама не жалуешься на сумасшедшие расходы? Удивительно, как только муж твой до сих пор не разорился! — пошутил патриций, отлично зная состояние дел своего друга Тита Сервилия, супруга матроны. — Один лишь прощальный ужин обошёлся тебе в полмиллиона сестерциев, и это помимо золотых табличек, которыми ты отмечала места за столом и которые потом щедро дарила на память гостям...

— А эти мужланы прикидывали на ладони их вес, пытаюсь оценить стоимость, и даже не заметили гравировки! Нет, ты правильно делаешь, что строишь дом на Питекузе³. Байи становятся всё вульгарнее: побережье слишком близко к Неаполю... Не понимаю, зачем Сервилий решил там остаться после окончания сезона!

— Для лечения в термах, Помпония, — терпеливо объяснил патриций.

На самом деле бедный Тит после нескольких месяцев изнурительных застолий мечтал только об одном: отдохнуть вдали от своей говорливой и чересчур деятельной супруги.

Тут лёгкое покашливание за окном, рядом с повозкой обозначило присутствие Кастора, вольноотпущенника и секретаря Публия Аврелия.

³ Питекуза — современная Искья, римляне называли этот остров также Аэнария.

— Господин... — заговорил он с невозмутимым видом. — Носильщики устали, а мулы больше не слушаются погонщиков.

— Но мы же только что выехали! — удивился хозяин.

— Мой господин, ты удобно устроился — лежишь себе да беседуешь с дамой знатнейшего происхождения. — Кастор учтиво поклонился в сторону Помпонию. — А мы идём с тяжёлым грузом на плечах по горным тропинкам, крутым подъёмам и непроходимым тропам, по которым гонят скот...

Грек, сидевший на мирной кобыле с широким крупом, выразительным жестом показал на прекрасную мощёную дорогу, что тянулась вдоль Лукринского озера.

— Пожалуй, можно сделать небольшую остановку... — согласился Аврелий.

— Да защитит тебя Адеона, хозяин! — поблагодарил Кастор, взывая к богине счастливого возвращения. — Кроме того... жуткая жара, и у носильщиков пересохло в горле.

Патриций посмотрел на горизонт: середина осени, небо затянута облаками, ветерок довольно прохладный.

— Ты, наверное, хочешь сказать, что страдаешь от жажды, не так ли, Кастор? — спросил он, холодно глядя на александрийца. — Тебе повезло: вон там фонтан с отличной водой.

Кастор покачал головой, явно обескураженный:

— Неужели ты хочешь, чтобы мы простудились, напившись холодной воды в такую жару?

— Я угощу тебя вином, Кастор, — засмеялась Помпония.

— Перестань баловать его! — упрекнул её Аврелий, когда грек направился к бурдюкам с вином. — Все говорят, что я слишком потакаю этому наглому бездельнику, но при этом каждый раз, когда пытаюсь ему в чём-то отказать, у него тут же находится защитник.

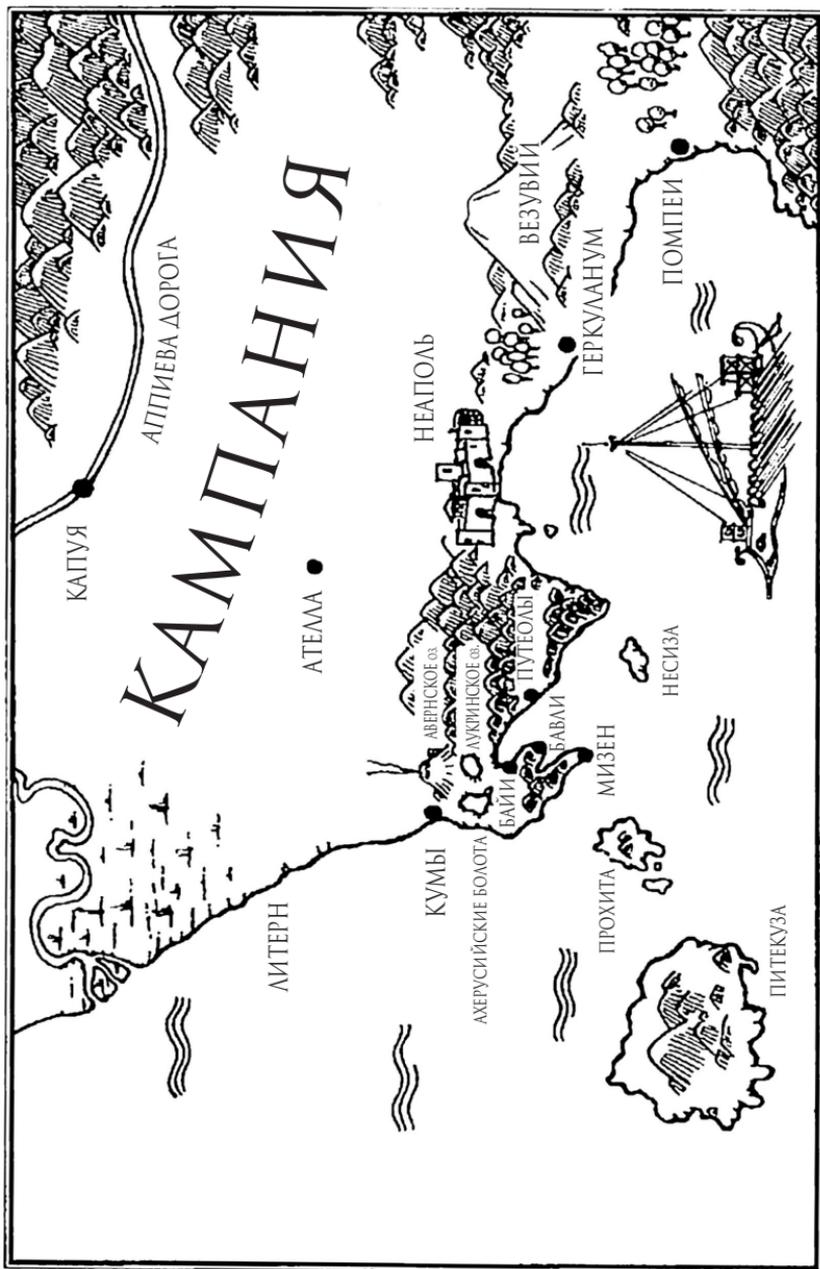
— Пусть выпьет, Аврелий, или он остановит нас ещё раз десять, и мы опоздаем к Плаутилле. Тем более ехать осталось уже недолго.

Караван и в самом деле приближался ко входу в ущелье. Когда путники поднялись на последний утёс, перед ними открылось во всей своей тревожной красоте тёмное озеро.

— Аверн входит в моду, — заметил Аврелий, удивлённый, что так много его сограждан стремились возвести роскошные дома у самого входа в Тартар, в загробный мир, куда набожный Эней спустился, чтобы посетить его обитателей; здесь пророчествовала сивилла и мёртвые вновь обретали голос⁴.

Почти отвесно над водой возвышались скалистые стены ущелья. Земли, пригодной для строительства, здесь было совсем мало, поскольку весь правый берег озера занимали давно не используемые портовые строения и огромное

⁴ Согласно представлению древних, один из входов в царство мёртвых находился у Авернского озера.

здание терм. Проезжая дорога, чрезвычайно узкая в некоторых местах, казалось, прямо переходила в ровную гладь Аверна.

Озеро считалось когда-то местом истока Стикса — реки царства мёртвых; даже карфагенянин Ганнибал, спустившийся сюда с целью разграбить цветущую Кумскую долину, остановился возле этих загадочных вод и принёс в жертву Орку⁵ стадо чёрных овец.

— В этой котловине один югер⁶ земли стоит сегодня баснословных денег, а когда-то тут жили только бедные крестьяне, — заметил сенатор.

— В самом деле, семья Плавциев поселилась здесь ещё тогда, когда дед Гнея был вольноотпущенником. Теперь их владениям нет цены. Старик разбогател на торговле рыбой во время гражданских войн, когда полководцы и политики в перерывах между сражениями старались превзойти друг друга в гастрономических изысках. За двадцать лет он сумел приобрести здесь все земли на юг от ущелья, — разорившимся владельцам и ссыльным пришлось продать свои участки. И вот что из этого получилось! — заключила матрона, указывая на узкую полосу земли, где среди деревьев белело внушительное здание.

⁵ Орк (*греч.* Аид) — бог подземного царства, владыка мёртвых.

⁶ Югер — мера площади, около 2500 кв. м.

— Результат, несомненно, превосходный, — восхитился Аврелий. — Хоть Гней и внук раба, нельзя сказать, что у него нет вкуса.

— Представляешь, Плаутилла Терция пустила слух, что происходит от этрусских лукумонов⁷! И правильно, немного таинственности нашему с ней делу не помешает.

— И что же у вас за дело? — заинтересовался Аврелий. Способность пышнотелой подружки доставать деньги почти равнялась её умению их тратить.

— Ароматические масла и эссенции афродизиаков, — ответила Помпония. — Плаутилла знает толк в ароматических травах. Она открыла самую настоящую лабораторию, пригласила лучших неаполитанских мастеров. Я же займусь распространением нашей продукции.

— Распространением? — изумился Аврелий.

— Ну конечно! Разве во время выборов каждый кандидат не нанимает сотни бездельников, чтобы они исписывали его именем стены домов? Все лучшие таверны делают вывески, восхваляющие их кухню, и даже проститутки прославляют свои способности на колоннах Форума. Так что не понимаю, почему этим же путём нельзя продавать и наши средства. А если бы к тому же какой-нибудь знатный патриций позволил нам использовать его имя...

⁷ Лукумоны — старейшины, стоявшие во главе двенадцати союзных государств древней Этрурии.

Сенатор ограничился улыбкой и постарался отвести взгляд.

— Сейчас Плаутилла решила во что бы то ни стало женить на себе Семпрония Приска, крайне тщеславного римского аристократа, а для этого ей необходимо солидное приданое. Она хочет продать часть своего наследства, и тут в игру вступаешь ты, мой дорогой Публий Аврелий, как опытный юрист. Ты должен проследить, чтобы братья не обманули её.

— А как же так случилось, что Плаутилла Терция не имеет приданого?

— Очень просто — она уже дважды была замужем и всё, что имела, пустила на ветер! Не забыл ещё, как она выходила замуж за Бальба? — Матрона лукаво улыбнулась. Она знала, что у патриция и подруги была связь ещё до той поспешной свадьбы.

— Помню только, как Паулина, её мачеха, всеми силами старалась держать падчерицу от меня подальше.

— И правильно делала. Бедняжка никогда не нашла бы мужа, если бы ты тогда не отпустил её, — подтвердила Помпония, которая помнила эту старую историю лучше, чем Аврелий. — Ну, вот и приехали! О Артемида, как же здесь мрачно осенью!

Авернское озеро открывалось прямо под ними, недвижимое и тёмное, всё ближе и тревожнее. На противоположной стороне виднелась заброшенная пристань. Огромные строения, возведённые всего несколько десятилетий

назад, теперь разрушались, постепенно утопая в зыбучем песке.

Повозка остановилась возле нескольких внушительных зданий, окружённых невысокой каменной оградой. На ней под мозаикой, изображавшей мастино, грозная надпись предупреждала: «Осторожно, собака!»

— Аврелий, Помпония! Случилось ужасное!

Плаутилла Терция, запыхавшись, бежала им навстречу. Патриций не без волнения смотрел на прежнюю возлюбленную. Десять лет не прошли бесследно для её выразительного лица с крупным орлиным носом: кожа, которую Аврелий помнил розовой и гладкой, словно у ребёнка, теперь казалась темнее и не светилась, как прежде; фигура нимфы, некогда стройная словно тростинка, округлилась — такую и подобает иметь матроне в расцвете лет, — а на голове громоздилось какое-то сложное сооружение из тёмных пышных волос с искусственными кудряшками.

— Мой брат Аттик погиб! — смогла наконец проговорить Плаутилла сквозь слёзы. — Его нашли сегодня утром в садке с муренами, от правой руки осталась культя!

— Боги бессмертные! — простонала Помпония.

— Он соскользнул в рыбный садок ночью. Никто не слышал, как брат выходил из дома, даже рабы, — объяснила убитая горем подруга.

Патриций по-дружески приобнял её и сказал, что они немедленно уезжают, дабы не беспокоить семью в свалившемся на неё горе.

— Нет-нет, Аврелий. Прошу тебя, останься! Тут все словно с ума посходили, и мне сейчас особенно нужен надёжный друг. Отец почтёт за честь, если ты будешь на похоронах. А кроме того, нужно ещё составить завещание, и здесь твоя помощь просто бесценна.

— Хорошо. Могу я выразить соболезнование вдове? — спросил сенатор подобающим тоном.

— Да, конечно, — с явной досадой ответила Терция.

— Присцилла своеобразная особа, и всё же... — оправдался Аврелий.

Жена первенца Плавциев, неряшливая и сварливая, была одной из самых непривлекательных женщин, каких он когда-либо встречал. Занудная, неуклюжая и плаксивая, она вечно была всем недовольна и вдобавок имела неприятную привычку постоянно лгать.

— Как, ты разве не знаешь? Аттик развёлся с ней несколько месяцев назад после двадцати лет совместной жизни. И взял себе в жёны эту плоскую как доска, которая... моложе меня, каждое утро моет лицо свежим молоком и целый час заставляет делать себе причёску. К тому же её зовут Елена! Больше не стану ничего говорить, сам увидишь.

Аврелий был весь внимание — впрочем, как всегда, когда разговор заходил о женщинах.

— Она была замужем за Невием, которому мой отец отвалил кучу денег, чтобы отделаться от него. За несколько месяцев она сумела своими ужимками обольстить этого простака Аттика и войти в наш дом как законная супруга. И всё-то ей не нравится, всё недостаточно изысканно. И подумать только, что в Неаполе, где она жила до встречи с моим братом, ей приходилось довольствоваться одной только дряхлой служанкой! Так или иначе, меня это не касается. Меня интересует только моё приданое — я хочу выйти замуж.

— Семпроний Приск, из семьи консулов, прославившейся во времена Суллы... — заговорила Помпония. — Это будет твой третий муж, не так ли?

— И мне хотелось бы, чтобы последний! За Мезия я вышла замуж по воле отца, а за Бальба — чтобы забыть *другого мужчину*...

Аврелий, теперь уже питавший к Плаутилле лишь дружеские чувства, сделал вид, будто не понял намёка.

— А ты не будешь скучать без этого сада наслаждений? — спросил он, с восхищением оглядывая местные красоты.

В перистиле редкой красоты кое-где ещё стояли леса, и на них, несмотря на поздний час, работал какой-то человек очень низенького роста.

Справа, за большой мраморной аркой, крытая галерея вела через сад прямо к затейливой башенке среди деревьев. Из шпалер открывался вид на просторный парк с небольшим каналом,